Век. Москва. – 2004. – 12 марта. – с.6

Декольте, отороченное мехом

ПОЧЕМУ КОНЦЕРТ ВЕЛИКОГО ДОМИНГО СТАЛ ПРАЗДНИКОМ ДЛЯ НОВЫХ РУССКИХ?

В Доме музыки выступил великий тенор Пласидо Доминго. Он был, как всегда, безупречен. Но на этом совершенства концерта, увы, закончились.

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Можно было бы умолчать и о Национальном филармоническом оркестре России, который вышел на сцену будто первый раз в жизни. И о дирижере Юджине Коне, подозрительно именуемом в роскошном буклете «золотой дирижерской палочкой мира». И о певице Наталье Ушаковой, которая, считай, наполовину заняла своей ничем не примечательной особой время, оплаченное публикой в надежде лицезреть Доминго.

Но, во-первых, цена некоторых билетов в партер доходила до 65 тысяч рублей. Что несоотносимо даже с расценками на премьеры в крупнейших оперных театрах Европы (100–120 евро).

Во-вторых, подойдя к кучке журналистов, громко язвивших в антракте по многим поводам, в том числе – неразберихи на сцене (ибо оркестранты никогда не знали, что последует очередным номером, играли, глядя в ноты как бараны на известный объект, причем каждый на свой, и не знали, когда им уходить со сцены, ожидая тайных знаков от столь же непосвященного в расписание дирижера), какая-то рядовая меломанка в отчаянии воскликнула: «Пожалуйста! Напишите! Как! Нас! Обманули!»

Напишем со вздохом прямо и откровенно: это был типичный концерт для новых русских. Достаточно было взглянуть на их дам с декольте, например, отороченным мехом. Или в какой-нибудь кепке набочок (это в партере-то классического зала!). И уже понятно, как нелегко пришлось в этот вечер трудяге, порядочнейшему артисту, великому из великих Пласидо Доминго в несуразной обстановке только что не времен НЭПа. К тому же с проплешинами в партере, наиболее явно выдающими завышенность цен и несоответствие всего всему.

Когда менее эмоциональные коллеги насмешливо говорят: «Ему уплОчено!», особенно хочется нажать на то, что Доминго просто катастрофически не умеет халтурить. Приберегать силы для какой-нибудь другой – состоятельной, но уже облагороженной – публики, понимающей, что Доминго вовсе не попса из киоска, не три тенора на футболе и в каких-то там вроде бы даже банях. А совершенство профессионализма, неувядаемая свежесть узнаваемого, с испанским звоночком в голосе, во всем неординарного тенора, строгость вкуса и ума, равновеликий талант драматического артиста, идеал оперного театра.

Несообразность оркестра, певцов, дирижера, публики была феноменальная. Никто бы не удивился, если б, например, все пульты у оркестрантов попадали, как костяшки домино. Или во время дуэта «Чем-то странно и нежданно» из «Веселой вдовы» в зал вплыл бы вальсом живой Фрадков. Казалось, Доминго, сердито подняв бровь над орлиным глазом, вот-вот уйдет со сцены и больше не вернется.

Однако Массне и Генделя, Легара и сарсуэлу он исполнял с одинаковой отдачей, хотя трудно поверить, что он не бесился в промежутках за кулисами, слушая беспомощные рулады Натальи Ушаковой, которая, как написано в буклете, пела с ним Лизу в «Пиковой даме». Как ей это удалось в указанном 2002 году, представить трудно. Ибо в нынешнем дуэте его и ее разделяла такая пропасть даже и в классе пения, что скрасить положение отчасти смогла только Елена Манистина, крепкое меццо, чья старуха-графиня так страшно, так весомо призывая к ответственности, прогудела в сцене свидания Германна с Лизой: «Зачем балкон открыт???»

Хотя Доминго сам по себе Германн изумительный. Несмотря на все свои 120 партий, эту корифей освоил совсем недавно. Его Германн как у Пушкина, – «сильные страсти и огненное воображение». Ах, как хотелось примерить на себя доминговские «Красавица! Богиня! Ангел!» – вот и критерий. Тебе поют, для тебя поют, зрительница, не пожалевшая пяти тысяч за плохонькое место под потолком.

Ну а благоухающие эксклюзивным парфюмом партерные кавалеры с дамами на нечеловеческих каблуках дождались своей «Гранады» – бисы Доминго дарил щедро, перекрывая энергией беспомощный, самодеятельный по звучанию, грохочущий оркестр пожарников.

То, что великий артист выбит из колеи, стало заметно лишь раз – забыл слова в шлягере «Сибоней», элегантно уйдя на мягкое piano. Но пел дальше тем более назло обстоятельствам, а не просто выполняя условия контракта с непонятными, неразборчивыми организаторами, кажется, впервые вышедшими на рынок оперной классики. Если они не умеют собрать зал, не рассчитали цену билетов – зачем Доминго им? Зачем балкон открыт?

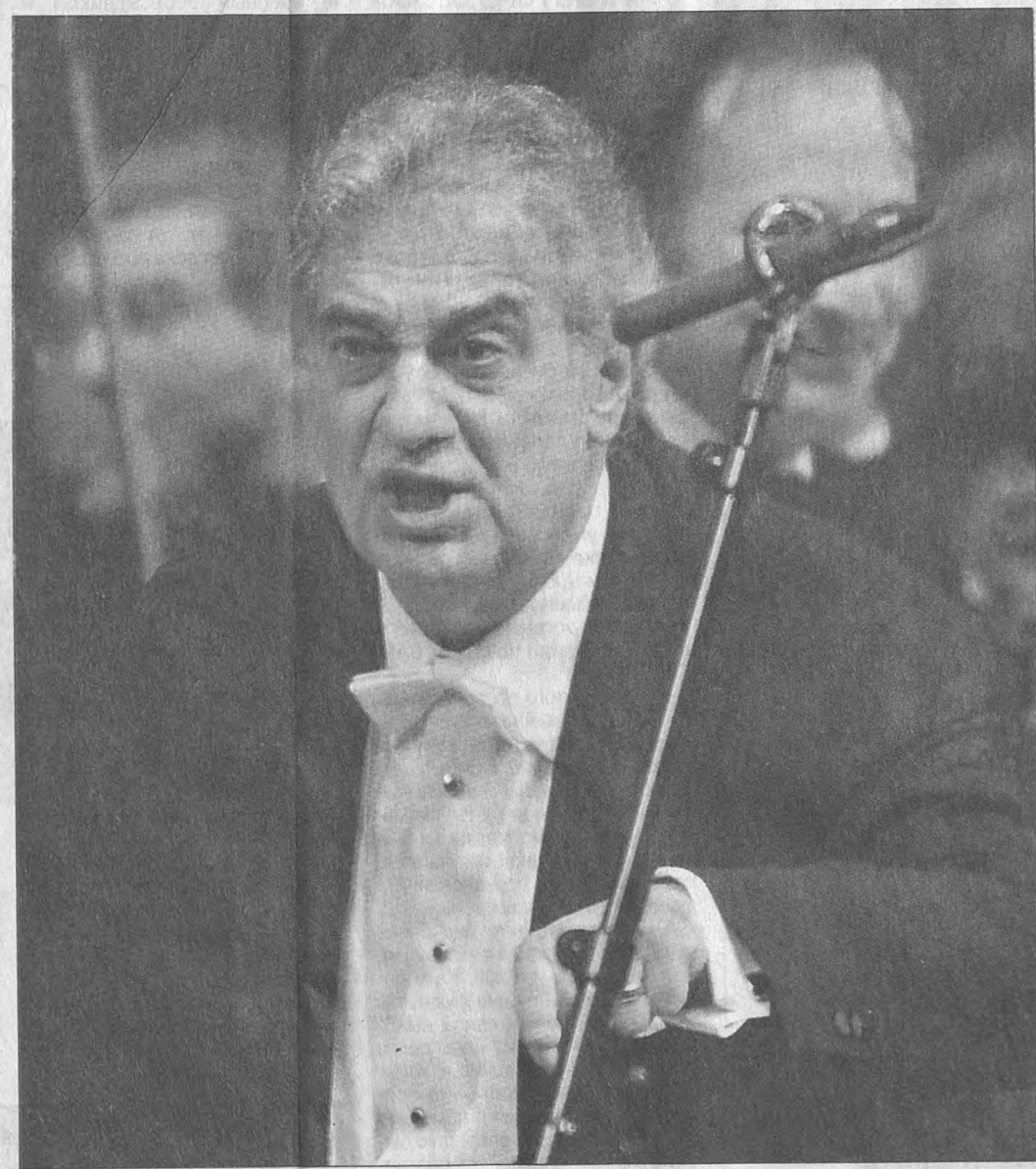

ФОТО ИТАР-ТАСС

Казалось, Доминго вот-вот споет: «В Москву я больше не ездок!»